

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 1 (49). С. 16–27

Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 1 (49), pp. 16–27

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-16-27>, EDN: DFIXNK

Научная статья

УДК 81'1'38'42

Интертекстуальность и интержанровость

В. В. Дементьев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории,
истории языка и прикладной лингвистики, dementevvv@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Аннотация. Статья посвящена интержанровому фактору в жанроведении. Доказывается, что претендующее на адекватность описание практически любого жанра с практически любой точки зрения обязательно должно учитывать то, как жанр относится к другим жанрам: в узком смысле, в пределах различных типологий, в широком – в пределах национальной жанросферы или совокупности разных национальных жанросфер.

Выделяются аспекты и виды интержанровости: исторический (к нему относится, прежде всего, концепция первичных и вторичных речевых жанров М. М. Бахтина), культурный – при выявлении таких связей между жанрами чрезвычайно важным является то, принадлежат данные жанры одной культуре или разным. Частным случаем разных культур иногда являются разные исторические периоды одной культуры, например современной российской и советской, которые различаются как ценностными приоритетами, социальными отношениями и ролями, так и прецедентными текстами и другими лингвистическими особенностями.

Показано, что в современном жанроведении использование интержанровой методики является наиболее востребованным и эффективным в случае новых жанров, складывающихся на основе старых, традиционных. Прежде всего это касается многочисленных интернет-жанров, традиция описывать которые с опорой на неинтернет-предшественники возникла фактически одновременно с интернет-жанроведением. Менее очевидный, хотя имеющий ту же природу случай – жанры, сложившиеся на основе каких-либо жанров-предшественников в более отдаленном прошлом (многие жанры вторичных опосредованных сфер общения объясняются через непосредственные жанры).

Показано, что национально-культурным основанием интержанровых связей является вхождение жанров в одну национальную жанросферу, а предельным случаем интержанровых связей – симбиоз двух жанров.

Ключевые слова: интержанровость, интертекстуальность, вторичные речевые жанры, исторический аспект, культурный аспект, типология речевых жанров, жанросфера

Для цитирования: Дементьев В. В. Интертекстуальность и интержанровость // *Жанры речи*. 2026. Т. 21, № 1 (49). С. 16–27. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-16-27>, EDN: DFIXNK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Intertextuality and Intergenry

V. V. Demytyev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vadim V. Demytyev, dementevvv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Abstract. The article deals with the intergenre factor in genre studies. It is proved that a description of almost any genre that claims to be adequate from almost any point of view must necessarily consider how the genre relates to other genres: in a narrow meaning, within various typologies, in a broad meaning – within a national genre sphere or a set of different national genre spheres. The author discusses the following aspects and types of intergenre: historical (which includes, first of all, the concept of primary and secondary speech genres

of Mikhail Bakhtin), cultural – when identifying such connections between genres, it is extremely important whether these genres belong to the same culture or different ones. A special case of different cultures is sometimes different historical periods of one culture, for example, modern Russian culture and Soviet culture, which differ in value priorities, social relations and roles, as well as precedent texts and other linguistic features. It is shown that in modern genre studies the use of intergenre methodology is mostly in demand and is effective in the case of new genres which are formed on the basis of old, traditional ones. First of all, this concerns numerous Internet genres. The tradition of their description is based on non-Internet predecessors and it arose almost simultaneously with Internet genre studies. A less obvious, although having the same nature, case is genres which were formed on the basis of some predecessor genres in the more distant past (many genres of secondary mediated spheres of communication are explained through oral genres).

It is shown that the national-cultural basis of intergenre connections is also the inclusion of genres in one national genre sphere, and the ultimate case of inter-genre connections is the symbiosis of two genres.

Keywords: intergenrity, intertextuality, secondary speech genres, historical aspect, cultural aspect, typology of speech genres, genre sphere

For citation: Demytyev V. V. Intertextuality and Intergenrity. *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 1 (49), pp. 16–27 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-16-27>, EDN: DFIXNK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Постановка проблемы

Подобно тому как одной из важнейших типологических характеристик текста в лингвистике текста, теории дискурса, нарратологии считается интертекстуальность – то, как текст относится к другим текстам (как известно, данная характеристика является значимой не только для вторичных текстов, а для всех текстов – даже если автор-новатор намеревается написать абсолютно оригинальный текст), важнейшей типологической характеристикой жанра является интержанровость – то, как жанр относится к другим жанрам: в узком смысле, в пределах различных типологий, в широком – в пределах национальной жанросферы или совокупности разных национальных жанросфер.

Претендующее на адекватность описание практически любого жанра с практически любой точки зрения обязательно должно учитывать данный интержанровый фактор.

Это положение кажется очевидным, однако на практике в большинстве осуществленных за последние тридцать лет описаний конкретных жанров интержанровый фактор не учитывался или почти не учитывался (если только это не сравнение нескольких жанров, но и тогда, как правило, интержанровый фактор учитывается слишком узко – как отношения внутри рассматриваемой пары или ограниченной группы жанров). Вероятно, свою роль

здесь сыграло и то, что в широко известной «анкете речевого жанра» Т. В. Шмелевой [1] среди выделяемых параметров («коммуникативная цель жанра», «концепция автора», «концепция адресата», «событийное содержание», «фактор коммуникативного прошлого», «фактор коммуникативного будущего», «языковое воплощение») нет ни одного хотя бы отдаленно напоминающего интержанровость¹. Поэтому нам представляется необходимым обоснование и утверждение в жанроведении, лингвистике текста, нарратологии и т. д. данного положения – как и введение (с долей сомнения) термина *интержанровость*².

Главной причиной этого досадного белого пятна в науке о жанрах является, думается, то, что интержанровость охватывает целую совокупность разных проблем, решение каждой из которых требует полноценного самостоятельного исследования. Прежде всего, это проблема идентификации жанра, установление его границ, решение вопроса, что является вариантами данного жанра, а что – другими жанрами. В последнем случае детально рассматриваются отношения между жанрами, сходства и различия – данные отношения и составляют содержание интержанровости. (Особого внимания, конечно, требуют тонкие различия между максимально близкими, или смежными, жанрами.) Если же имеют место варианты одного жанра, отношения между ними не являются интержанровыми: отно-

¹На наш взгляд, неучет этого фактора обедняет многие работы, в том числе, к сожалению, новейшие: например, интересную работу Е. В. Лаврентьевой и Т. И. Стекловой, посвященную публичному извинению (более того: публичное извинение сопоставляется с непосредственным в межличностной коммуникации) [2]: авторы следуют в русле концепции Шмелевой и не обращаются к концепции первичных и вторичных речевых жанров Бахтина.

²Собственно, термин уже существует и иногда используется (даже в названиях статей, ключевых словах к статьям и т. д., например: «*Интержанровая игра в новом латиноамериканском романе*» [3, 4]), однако до его полноценного вхождения в научный обиход дело не дошло. Для этой типологической характеристики жанра возможны также термины «*межжанровые связи*», «*жанровый контекст*», «*место в жанровой парадигме*» и т. п.

шения такого рода рассматривает жанровая вариантология [5]. (Впрочем, развитию нового полноценного жанра практически всегда предшествует появление жанрового варианта, или *переакцентуация жанра* по Бахтину).

Интержанровость следует отличать от интертекстуальности: главные феномены интертекстуальности – вторичный текст, прецедентный текст – представляют собой распространение, проникновение в «чужой» текстовый материал конкретного текста в его лексической, композиционной завершенности, имеющего своего автора, относящегося к конкретной ситуации; реализующие интержанровость феномены, такие как вторичные РЖ по Бахтину (конечно, не только они – см. ниже), представляют собой распространение и перенесение на другие жанры не субстанции конкретных текстов, а абстрактных текстовых структур. (Впрочем, мысль, что заимствоваться, перетекать из текста в текст могут не только собственно элементы текста, но и принципы структурной организации текста, содержалась уже в концепции интертекстуальности Ю. Кристевой, фактически была положена в основу концепции «письма» (*l'écriture*) у Р. Барта; а бахтинские идеи «чужого слова», «бесконечного диалога» практически во всех исследованиях по интертекстуальности используются в качестве одной из наиболее фундаментальных концепций, объясняющих механизмы порождения и заимствования нового и традиционного речевого и языкового материала в речевых высказываниях, текстах письменной и устной словесности, эстетике словесного творчества [6–19].)

Конечно, существует и собственно интертекстуальный аспект речевых жанров, которому посвящено довольно много работ в современном жанроведении – например, изучаются различные прецедентные тексты, используемые в рамках того или иного речевого жанра (см. [20]). В нашей статье «Интертекстуальный аспект речевых жанров» [21] показано интертекстуальное содержание идеи речевого жанра Бахтина: РЖ осмысливаются как формы «чужого слова»; обсуждаются отношения между вторичными РЖ и вторичными текстами, в том числе нейтрализация различий между ними в лингвистической и нелингвистической рефлексии. Подобным образом, например, можно говорить о существовании языкового аспекта речевых жанров (не означающего отождествления речевых жанров и языка), стилистического (то же самое касается отношений РЖ со стилем), когнитивного или концептологического (отношения с концептом) и т. п.

Есть смысл сравнить интержанровость не только с интертекстуальностью, но и с ин-

тердискурсивностью (по М. Пешё). Трудность заключается в том, что и дискурс, и интердискурсивность различаются в зависимости от того, какое определение дискурса берется (напр., тематическое, прагматическое, социолингвистическое и т. п.), тогда как интержанровости, по-видимому, не присуща такая вариативность.

В современных жанроведческих исследованиях, особенно по новым интернет-жанрам, много внимания уделяется проблемам **диалогичности** речевых жанров – средствам диалогичности, разной степени диалогичности в разных речевых жанрах, интерактивности, интермедальности и т. п. [22–24].

Конкретные **механизмы**, на основе которых существует межжанровая связь в сознании носителей языка, очень важны, хотя в большинстве случаев еще совершенно не изучены – как и психолингвистические механизмы межтекстовых связей в теории интертекстуальности.

Понятно, что такие механизмы отсутствуют, когда связи между жанрами, существовавшие в прошлом, утратились (такие связи осознают специалисты-историки, этимологи, но не современные носители языка). Многие важные связи существуют в человеческом сознании в опосредованном, скрытом виде и могут быть выявлены только предположительно, например, через посредство специальных ассоциативных, пилотажных и т. п. психолингвистических экспериментов.

Проблема, как распознается носителями языка связь слов с жанрами, в которые они входят или – шире – с которыми совместимы, была поставлена еще Бахтиным («Когда мы выбираем слова в процессе построения высказывания, <...> мы берем их обычно из других высказываний, и прежде всего из высказываний, родственных нашему по жанру» [25: 191]), но только с развитием методики, опирающихся на современные технологии, получила настоящее рассмотрение. Эта проблема не входит непосредственно в задачи настоящей статьи; отметим только несколько важнейших положений, развиваемых в нашей статье [26]:

Информация о словах, входящая в базовую коммуникативно-языковую компетенцию носителя языка, содержит знания о РЖ, с которыми данные слова связаны, – от привязки к конкретному жанру до лишь приблизительных ориентиров, предпочтений по принципу «скорее используется в рамках жанра X, чем Y», при этом и роль данной единицы/слова в данном РЖ может быть разной: от ключевой, порождающей до менее значимой, инерционной. Вполне вероятно, что встретившиеся в гладко протекающем речевом общении языковые / речевые единицы, по которым человек идентифицирует жанр, не встречались ему раньше в составе данного жан-

ра, но обязательно имеют в своей содержательной структуре речевые пометы, по которым и идентифицируется жанр. Слова, конструкции и речевые фигуры, имеющие в сознании адресанта и адресата речевого высказывания те же речевые пометы, что слова, конструкции и речевые фигуры, известные им обоим заранее, должны встретиться в речевом общении, если оно претендует на успешное протекание. Именно речевые пометы служат главным механизмом «жанровой памяти» (по М. М. Бахтину), который формирует в сознании носителя языка актуальные коммуникативные связи слов, встретившихся в сходных ситуациях речевого общения, произнесенных и услышанных высказываниях. Речевые пометы в сознании человека напоминают пометы в словаре (собственно, правильнее говорить наоборот, но пометы в сознании гораздо хуже изучены, чем разнообразные словарные пометы, используемые в лексикографии); соответственно, много материала по данной проблеме дают ассоциативные словари, особенно обратные, в частности, то, какие стимулы вызвали реакции, в которых непосредственно именуется жанр (ср. реакции: *анекдот, беседа, блог, болтовня, брань, «брюзжание», влог, ворчание, высмеивание, «дерзость», доказательство, жалоба, извинение, ирония, капризничание, колкость, комплимент, молва, мольба, намёк, оправдание, оскорбление, осуждение, порицание, похвала, похвальба, предсказание, предупреждение, «придирки», приказ, просьба, прощение, разговор, разрешение, рекомендация, слухи, совет, соболезнование, сочувствие, травелог, треп, убеждение, уверение, уговоры, угроза, укор, ультиматум, упрямство, упрек, утешение, ухаживание, фанфик, флирт, чат, шутка, ябедничество* и мн. др.) [Там же: 35–36].

Исторический аспект интержанровости: интержанровость в концепции вторичных речевых жанров М. М. Бахтина

Исторический аспект интержанровости традиционно хорошо рассмотрен в историческом литературоведении в связи с проблемой генезиса, взаимного влияния, синтеза художественных жанров (особенно в связи с творчеством писателей-новаторов): этому много внимания уделяли не только упоминавшиеся Ю. Кристева, Р. Барт, но и, например, такие видные литературоведы, как С. С. Аверинцев, О. М. Фрейденберг, Ж.-М. Шеффер и др.

Как М. М. Бахтин расширил понятие жанра за пределы художественной литературы (ввел в научный обиход нехудожественные жанры), так и интержанровые отношения следует находить не только между художественными жанрами.

Впервые поставил проблему интержанровости в связи с нелитературными жанрами Бахтин в концепции вторичных речевых жанров:

«Вторичные (сложные) речевые жанры – романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т. п. – возникают в условиях более сложного и относительно высоко развитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного): художественного, научного, общественно-политического и т. п. В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного общения. Эти первичные жанры, входящие в состав сложных, трансформируются в них и приобретают особый характер: утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям; например, реплики бытового диалога или письма в романе, сохраняя свою форму и бытовое значение только в плоскости содержания романа, входят в реальную действительность лишь через роман в его целом, то есть как событие литературно-художественной, а не бытовой жизни» [25: 161–162].

В современном жанроведении наиболее востребованным и эффективным является использование интержанровой методики в случае новых жанров, и прежде всего – многочисленных интернет-жанров, традиция описывать которые с опорой на неинтернет-предшественники возникла фактически одновременно с интернет-жанроведением в целом: форум успешно объясняли через дискуссию, чат – через разговор, беседу, болтовню [27, 28]. Менее очевидный, хотя имеющий ту же природу случай – жанры, сложившиеся на основе каких-либо жанров-предшественников в более или менее отдаленном прошлом: так, многие жанры вторичных опосредованных сфер общения успешно и тоже уже достаточно традиционно объясняются через непосредственные жанры: ультиматум, нота – через угрозу, молитва – через просьбу, благодарность и т. п. [29, 30].

Динамическими процессами обусловлены разные типы связей между жанрами. Так, исторически первым «звеном цепочки» может быть появление новой сферы коммуникации / типа дискурса, первоначально жанрово нерасчлененного, в котором впоследствии складываются жанры – конечно, все эти жанры связаны друг с другом (современные интернет-жанры, жанры ТВ в более отдаленном прошлом, газетные жанры – в еще более отдаленном). Первым «звеном» может быть жанр, вокруг которого впоследствии «нарастает» полноценный дискурс (молитва, притча по отношению к религиозному дискурсу и его остальным жанрам – см. [31]). Наконец, у жанра могут возникнуть новые межжанровые связи, которых раньше не было (у жанра анекдота – с литературными юмористическими жанрами, после того как анекдоты начали записываться и публиковаться [32]).

Многие современные классификации вторичных РЖ исходят из того, какого рода связь сохраняется у вторичного жанра с соответствующим первичным (возможен ли «возврат» к первичному жанру или данная связь существует только на периферии жанрового сознания коммуникантов, как своеобразная «память жанра»; остается неясным вопрос о ситуативной обусловленности перехода из первичных речевых жанров во вторичные). В том случае, если такие исторические связи имеют значение для жанра, они должны быть тщательно проанализированы, а результаты – включены в «портрет жанра». Особенно ценным материалом в этом плане являются сохранившиеся текстовые документы прошлых эпох, относящиеся как непосредственно к рассматриваемому жанру, так и к жанрам «родственным» (в разных отношениях).

Например, определение жанровых характеристик такого уникального феномена советской словесности, как *послание потомкам в капсуле времени* (ППвКВ) ≈1960-х гг., по-видимому, невозможно без учета интержанрового фактора – выяснения, с какими другими жанрами советской, русской традиционной, а отчасти и мировой словесности он связан:

- мировая литературная традиция обращения к потомкам (Гораций, Владимир Мономах и т. д.);
- соответствующая традиция русской классической литературы (Г. Р. Державин, А. С. Пушкин) (исследователи данной традиции отмечают ее генетическую связь с жанром *духовного завещания*, а также *исповедальность* как одну из наиболее значимых ее черт, которая, однако, практически не проявляется в ППвКВ, поскольку плохо сочетается с требуемой там *оптимистической тональностью*);
- советская художественная традиция: стихи (В. В. Маяковский (*товарищи потомки; рассказ о времени и о себе*), Р. И. Рождественский (*Письмо в 30 век*)) и др., песни (*И на Марсе будут яблони цвести*), а также жанр советской футуристической фантастики (ср. произведения И. А. Ефремова, А. П. Казанцева, А. и Б. Стругацких), фантастические фильмы и др.;
- жанр мемуаров (например, в аудиопослании диктор Юрий Левитан вспоминает, как читал для своих радиослушателей о строительстве ДнепроГЭС, о полете Чкалова через Северный полюс;
- жанр митинга (комсомольского собрания, заседания, пленума, съезда, слёта): в некоторых ППвКВ прямо говорится, что текст утверждался, принимался или даже сочинялся на митинге и т. п. (ср.: *Текст капсулы утвержден 4 ноября 1967 года на торжественном пленуме райкома КПСС и сессии исполкома Совета депутатов трудящихся Октябрьского района города*; авторы – *Участники второго областного слета комсомольцев и молодежи – победителей похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа*);

- традиции советской публицистики, печати, СМИ, прежде всего – жанр отчета / рапорта о достижениях (подробнее см.: [33]).

В работах последователей Бахтина, развивающих понятие речежанровой вторичности [29, 30], эффективной моделью анализа вторичных жанров (к тому же в наибольшей степени опирающейся на традиционный лингвистические модели) является представление речежанровой вторичности, динамических процессов, к ней приводящих, в терминах **МЕТОНИМИИ** (отношения между максимально близкими, смежными жанрами в рамках различных типологий) и **МЕТАФОРЫ** (это прежде всего касается имен РЖ), соответственно на первый план выходят модели метафоризации, динамика развития соответствующих процессов.

Культурный аспект интержанровости

С историческим аспектом интержанровости – выявлением сходств и различий жанров по линии истории – неразрывно связан культурный / лингвокультурный аспект – выявление сходств и различий жанров по линии культуры.

Несмотря на то, что настоящая разработка интержанровой теории и методики относится к перспективам жанроведения, можно привести довольно много примеров вполне качественных жанроведческих исследований, где важным пунктом осмысления жанра было отношение к другим жанрам, причем данное отношение оценивалось именно с точки зрения культуры / культур.

Так, в ряде исследований сравниваются РЖ в разных культурах – например, *выражение сочувствия* в русской и англосаксонской культурах [34], *спор* в русской и англосаксонской [35], *small talk* в англосаксонской культуре и *светская беседа* в русской [36]), выявляются различия как собственно речесистемные и языковые, так и общекультурного плана.

Сравниваются также сами культуры с точки зрения представленных в них наборов РЖ и принципов их организации (например, англосаксонской культуре присуща фатическая центростремительность, русской – фатическая центробежность [37]).

Значительного привлечения культурной информации – об общем состоянии общества, влиятельных жанрах словесности (прежде всего смежных с описываемыми жанрами, но не только) потребовали исследования без собственно сравнения: проклятия как жанр лезгинского и кумыкского фольклора [38], почётные грамоты [39], флирт у советской интеллигенции [40], открытки, написанные детьми (корпус «Пишу тебе») [41].

Это сближает интержанровость с кросс-культурными исследованиями, в частности А. Вежбицкой и ее школой (они на фоне разных культур, разных

культурных сценариев и т. п. изучали и речевые жанры) [42].

Наиболее принципиальным с этой точки зрения оказывается вопрос: принадлежат ли описываемые жанры одной культуре или разным? Неучет этого фактора приводит к ошибкам, иногда критическим. Так, попытки выйти при исследовании жанра за пределы культуры, механически перенести принципы организации данного жанра в одной национальной культуре на другую культуру часто оканчивались неудачей (например, попытки найти соответствие русского *разговора по душам* в англосаксонской культуре, а *small talk* – в русской).

Частным случаем разных культур иногда (но не всегда) являются и разные исторические периоды одной культуры, например современной российской и советской: они различаются как ценностными приоритетами, социальными отношениями и ролями, так и прецедентными текстами и другими лингвистическими особенностями.

Как было показано в предыдущем параграфе, осмысление *послания потомкам в капсуле времени* – речезанрового феномена с конкретной культурно-исторической привязкой (СССР, ≈1960-е гг.) – требует привлечения многих связанных с ним жанров предшествующих периодов. Эта проблема становится еще более острой в случае сравнения жанров, относящихся к разным периодам ⇒ культурам.

Так, *научно-популярные статьи о животных* и *научно-популярные статьи о космосе* как а) жанры советской литературы, научно-популярной литературы и СМИ (СЖ₁ и СК₁) и б) современные одноименные интернет-жанры (СЖ₂ и СК₂) принадлежат, по сути, к разным культурам и настолько различаются, что для их сравнительного описания требуется привлечение большого количества смежной: общекультурной, естественно-научной, научно-технической, социологической и даже философской – информации. Одним из важнейших пунктов сопоставления являются влиятельные жанры словесности (роль разных влиятельных жанров словесности при определении места научно-популярных статей о животных и научно-популярных статей о космосе в советский и постсоветский периоды может не вполне совпадать, как и другие факторы, характеризующие состояние общества), как показано в таблице.

То, как жанр относится к другим жанрам, является важнейшей типологической характеристикой жанра только в пределах одной национальной культуры / жанросферы; в разных национальных культурах / жанросферах жанр не только видоизменяется (иногда весьма существенно – настолько, что можно говорить лишь о приблизительном соответствии), но и связывается значимыми отноше-

ниями с другими жанрами / группами жанров (это может касаться особенностей истории, включая национальную литературу, языка: существующие в языке названия жанров и/или соответствующие лексические лакуны).

Вхождение жанров в одну национальную **жанросферу** также является национально-культурным основанием интержанровых связей, хотя, конечно, самого общего порядка.

Жанросфера есть важный слой в речевом пространстве того или иного этноса, социума, периода, характеризующийся тем, что 1) все его компоненты – жанры речи; 2) они связаны друг с другом, в этой связи есть закономерности, категории, организующие бытование и взаимные отношения жанров, их групп и подгрупп; 3) существует динамика жанросферы, можно выявить тенденции и закономерности в ее развитии, во многом, но далеко не полностью обусловленные более общими социальными тенденциями.

Жанросфера выступает как пространство и наиболее естественного, и наиболее показательного, и наиболее яркого бытования жанров речи, при этом жанросфера не гомогенна: ее составляют жанры разных типов (с точки зрения разных классификаций), в частности:

- первичные и вторичные жанры (в разных пониманиях вторичности);
- художественные и нехудожественные жанры – «художественная» часть жанросферы, с одной стороны, лучше изучена (филологами, литературоведами, критиками), с другой, конечно, наиболее специфична;
- жанры нарождающиеся (а также заимствованные и заимствуемые) и еще не вполне вошедшие в язык, речь, речевую коммуникацию, меняющиеся (иногда – буквально на глазах исследователя); жанры устаревающие; жанры маркированные социально (присущие узким микрогруппам, в т. ч. специфическим для данного социума профессиональным и/или идеологическим сообществам, например, волонтерские) и возрастно.

Использование понятия жанросферы позволяет изучать интержанровые связи между жанрами в пределах различных жанросфер: мировой жанросферы; жанросфера современного российского (американского, англоязычного, китайского...) коммуникативного пространства; жанросфера политики и жанросфера современного (российского, американского) политического дискурса; жанросфера педагогики и жанросфера современного российского педагогического дискурса; жанросфера как часть речевого портрета (человека, социальной группы, страта / среза общества); жанросфера конкретного писателя; жанросфера конкретного персонажа романа / фильма / телесериала; жанросфера стиля (какого), жанросфера литературного направления (романтизма, реализма); жанросфера лингвокультурного типажа; жанросфера (речезанровой) теории (≈ список конкретных жанров, описываемых и упоминаемых, например, М. М. Бахтиным, Т. В. Шмелевой и т. д.); жанросфера издания (о жанрах) (например, журнала «Жанры речи») и т. п. (подробнее см.: [43]).

Сравнительные культурные характеристики СЖ₁ и СЖ₂, СК₁ и СК₂
Comparative characteristics of articles about animals and about outer space

Критерий	Статьи / книги советского периода (СЖ ₁ и СК ₁)	Публикации в Рунете (СЖ ₂ и СК ₂)
Отношение общества к животным (для СЖ)	Развиты с/х и охота; биологические знания, знания и о с/х, и о охоте активно транслируются советской печатью наравне с «интересностями»	Доля в обществе специалистов меньше. Уход за домашними животными стал бизнесом. Падение железного занавеса, массовый туризм позволили бывшим советским гражданам знакомиться с обширной информацией о животных из иностранных источников, а также – иногда – непосредственно контактировать с ними (а каких-то и заводить у себя дома)
Общее состояние общества (для СЖ)	Пропагандируются любовь к чтению, тяга к образованию (в т.ч. биологические знания; знания и о с/х, и о охоте), на это не жалеют досуга	«Буржуазность», потребительство, культ досуга, удовольствий, туризма
Общее состояние общества, господствующее представление о человеке (для СК)	Пропагандируются любовь к чтению, тяга к образованию, знаниям (в т.ч. физическим и астрономическим), на это не жалеют досуга. Официальное и неофициальное представление о «советском человеке» сильно различаются	«Буржуазность», потребительство, культ досуга, удовольствий, туризма. По этой причине иногда на себя смотрят критически и с пессимизмом. Роль официальной идеологии / пропаганды в формировании представления о человеке мала
Господствующее представление о космосе (массовая, популярная, т. е. ненаучная, картина) (для СК)	Величественный, важный для человека, опасный, очень сложный и интересный	Опасный, пустой, ограниченно (практически) полезный, малоинтересный; в целом – переориентация на земные дела; застой
Состояние словесности (для СЖ и СК)	Партийная печать, цензура	Отсутствие цензуры, тяготение к неформальности, появление Интернета с его языком, приоритетами, жанрами
Влиятельные жанры словесности (для СЖ и СК)	Энциклопедия, научная и научно-популярная книга / статья, описания путешествий	Блоги и видеоблоги, социальные сети, описания путешествий (травелог), шоу, реклама

**Интержанровые связи по другим «линиям»
(коммуникативной цели и т. д.)**

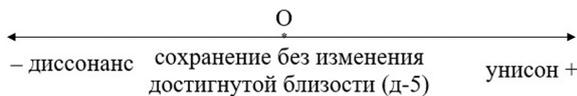
Выявление интержанровых связей разных типов непосредственно пересекается с **типологизацией** жанров, а тем самым – существующими и возможными (необходимыми) типологиями разных типов. Основы двух важнейших речежанровых типологий заложены еще Бахтиным – историко-генетический (через противопоставление первичных и вторичных РЖ) и неисторично-структурный критерии (через противопоставление жанров разной степени жесткости структуры) [25: 161–162, 181–182].

Не менее, чем при историческом и культурном изучении жанров, полезно использование интержанровой методики в случаях, когда на каком-либо существенном основании объединяются жанры, не находящиеся в отношениях генетической и/или культурной

производности (и для описания которых не может быть использовано понятие вторичного РЖ): ср. объединение очень разнородных фатических речевых жанров (ФРЖ), например, «д-4» и «д-5» по Н. Д. Арутюновой [44]: в их природе многое объясняет, в частности, использование шкалы межличностной близости.

Н. Д. Арутюнова выделяет среди ФРЖ две группы жанров: фатические, или праздноречевые, жанры, не имеющие непосредственной цели («д-5»), и жанры, имеющие целью установление или регулирование межличностных отношений («д-4»), распределенные по шкале А. Р. Балаяна (от унисона, или искренних признаний и комплиментов, до диссонанса, или ссор и выяснений отношений) [Там же: 52–56]. Мы [45] обратили внимание на то, что у жанров д-4 и д-5 много общего: все истинное содержание коммуникации составляет вступление в контакт, организация ситуации общения и личности коммуникантов (остальное можно понимать как

косвенность). Жанры д-5 так же, как д-4, направлены на межличностные отношения: они сохраняют достигнутую близость. Все ФРЖ можно расположить на шкале А. Р. Балаяна, при этом жанры д-5 занимают одну точку посередине шкалы:

Выявление значимых связей жанров, наиболее принципиальных для рассмотрения интержанрового аспекта жанров, требует самого серьезного внимания уделить тем основаниям, на которых жанры, с одной стороны, сближаются друг с другом, с другой – противопоставляются, т. е., иными словами, основаниям классификации жанров. Понятно, что такие типологические связи, существующие между жанрами, относящимися к одному типу (какие именно выделяются типы жанров, и определяется избранными основаниями классификации), наряду с отношениями исторической первичности-вторичности, культурной обусловленности, «вписанности» в ту или иную культуру, тоже относятся к важнейшим жанровым связям, составляющим интержанровость. Трудности и возможные противоречия также связаны с попытками некритично объединить принципы разных типологий, например, выделять, употреблять и оценивать в одном ряду типы РЖ, выделяемые в разных типологиях (ср. формулировку: «*императивные, художественные и вторичные РЖ»). Это выводит на первый план при разработке интержанровой методики тщательную и глубокую проработку важнейших жанровых характеристик, которые чаще всего и выступают основаниями соответствующих речевых классификаций, и прежде всего – **иллокутивно-целевой**.

Данный фактор потенциально содержится во всех описаниях РЖ, в основу которых положен фактор цели (а их большинство – и упоминавшаяся «анкета речевого жанра» Т. В. Шмелёвой имеет цель в качестве первого из параметров, – на этом основании выделяются информативные, императивные, этикетные, оценочные РЖ [1: 91–92]), однако, как уже было сказано, до реального систематического сравнения жанров, выявления интержанровых связей дело не доходило.

Эта характеристика жанра дается через определение его отношений с ближайшими, смежными жанрами в типологии (желательно уже хорошо рассмотренными в науке, во всяком случае, лучше, чем характеризующий жанр).

Возвращаясь к понятию жанросферы, отношение типологии речевых жанров и жанросферы может быть определено через место

на шкале: типология РЖ (наиболее структурированная сущность) ~ жанросфера (ее системность несомненна, но пока не вполне ясна) ~ антология (прикладной аспект) ~ энциклопедия ~ наконец, список / набор / совокупность РЖ (системности нет или еще не усмотрена). Жанросфера объединяет все РЖ, относящиеся к разным типам, с точки зрения разных классификаций. В результате используемые классификации где-то уточняются: жанры внутри данной жанросферы следует рассматривать с учетом категории данной жанросферы, не пытаясь приписать им свойства / положить в основу классификации свойства, противоречащие данной жанросфере или несовместимые друг с другом в пределах данной жанросферы.

Жанровый симбиоз

Предельный случай интержанровых связей – симбиоз двух или более жанров. В отношении симбиоза могут вступать как иллокутивно, генетически, культурно близкие жанры, так и неблизкие.

Примером симбиоза первого типа могут послужить *анекдот* (текст анекдота) и *рассказывание анекдота*, которые, по мнению А. Д. и Е. Я. Шмелевых, являются взаимосвязанными, но разными жанрами (первый – письменный, второй – устный) [4б: 20–27].

В качестве примера второго типа приведем содержательный и иллокутивный симбиоз популярного в настоящее время в СМИ, на ТВ, интернет-ресурсах жанра *блиц-интервью* и письменного жанра *опросника*.

Как следует из названия «блиц», от интервьюируемого ожидаются быстрые, без раздумья ответы на вопросы, которые короче, чем в обычном интервью. При этом блиц-интервью практически всегда проводится с опорой на готовый или специально подготовленный список вопросов / опросник. Хотя обычному интервью также предшествует подготовка, продумывание вопросов, список этих «примерно подготовленных» вопросов нельзя считать ни отдельным жанром по отношению к интервью, ни вообще полноценным речевым жанром. В блиц-интервью же, как показывает практика, чаще всего пользуются именно готовым текстом опросника, представляющим собой полноценный письменный жанр. В результате этого симбиоза блиц-интервью представляет собой не просто «усеченный» по времени вариант обычного интервью, но довольно сильно отличается от него качественно. Так, вопросы на блиц-интервью обычно более общего характера, ёмкие, «о важном», а также несколько обезличенные, без конкретных деталей, повышенной личностности (личностной провокативности), часто присущих обычному интервью. Информация и оценка в блиц-интервью касаются более постоянного порядка вещей, чем в обычном интервью (не столько деталей, сколько закономерностей данного порядка), имеют

скорее характер выводов, чем информирования как такового. В блиц-интервью практически отсутствуют вопросы-просьбы дать оценку или прокомментировать какие-то злободневные события или поступки какого-то известного человека – из области политики, культуры, эстрады и т. д., которые составляют большую часть обычных интервью.

Заключение

Главными задачами настоящей статьи автор считает формулировку проблематики интержанровости, очерчивание круга речевых феноменов, объединяемых понятием интержанровости (и обзор работ об этих феноменах – чаще же лишь отдельных аспектах их – в современных жанроведческих исследованиях); выявление разных типов интержанровости; определение границ интержанровости, с одной стороны, с интертекстуальностью,

с другой – различными современными моделями анализа жанров речи.

Методологический пафос автора настоящей статьи – обоснование необходимости включения пункта «интержанровость» / «интержанровые связи» в качестве важнейших (причем не только для новых, формирующихся или заимствованных, очевидно вторичных или с явными признаками вторичности жанров, а для всех жанров) в претендующие на адекватность модели анализа жанров речи наряду с такими до сих пор считавшимися бесспорно важнейшими пунктами, как тема и цель жанра, образ автора, образ адресата, языковое оформление³, жанрообразующие концепты, а также такими общедискурсивными и общекультурными факторами, как «дискурсивная сфера бытования данного жанра» и «поддерживается или нет данный жанр данной национальной культурой».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.
2. Лаврентьева Е. В., Стеклова Т. И. Трансформация жанра «публичное извинение» // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 3 (47). С. 244–253. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-244-253>, EDN: IUWRHG
3. Писанова Т. В. Интержанровая игра в новом латиноамериканском романе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 652. С. 194–205.
4. Гусейнова И. А., Косиченко Е. Ф. Жанры, меняющие мир и нас. Тривиальный дискурс. Ретродетектив. М. : Изд-во МГЛУ, 2018. 162 с.
5. Рабенко Т. Г. Жанры естественной письменной русской речи в вариантологическом аспекте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2018. 50 с.
6. Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов : коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. М. : Флинта ; Наука, 2014. 352 с.
7. Москвин В. П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. М. : Либроком, 2011. 168 с.
8. Олизько Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертек-

стуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2009. 43 с.

9. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности. М. : КомКнига, 2006. 280 с.
10. Чернявская В. Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации (на материале немецкого языка) : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2000. 448 с.
11. Barthes R. L'Aventure sémiologique. Paris : Édition Du Seuil, 1965. 368 p.
12. Kristeva J. Bachtine, le mot, le dialogue et le roman // Critique. [Paris]. 1967. Avril. № 23. P. 438–465.
13. Kristeva J. Semeiotike: Recherches pour une sémanalyse. Paris : Édition Du Seuil, 1969. 379 p.
14. Allen G. Intertextuality. London : Routledge, Taylor & Francis Group, 2000. 249 p.
15. Broich U. Intertextuality // International Postmodernism: Theory and literary practice / eds. Hans Bertens, Douwe Fokkema. Amsterdam : Philadelphia, 1997. P. 249–255.
16. Influence and Intertextuality in Literary History / eds. Jay Clayton, Eric Rothstein. Madison : The University of Wisconsin Press, 1991. 356 p.

³Эти пять пунктов, как известно, принадлежат «анкете речевого жанра» Т. В. Шмелевой – именно интержанровыми пунктами чаще всего предлагается «дополнять» эту «анкету» в жанроведческих исследованиях, претендующих на адекватность. В частности, неучет в «анкете» противопоставления первичных и вторичных речевых жанров (а также «риторических» и «нериторических» по О. Б. Сиротининой, «жанров риторического верха» и «жанров риторического низа» по К. Ф. Седову и подоб.) является одним из наиболее распространенных (справедливых) пунктов, по которым данную «анкету» критикуют [47–49]. Критика с этой стороны «анкеты речевого жанра» Т. В. Шмелевой, включающей лишь параметр «языковое воплощение РЖ», в определенном смысле совпадает с критическим замечанием Ю. М. Лотмана в адрес «семиотической модели языка» Р. Якобсона (согласно этой модели, язык тождествен «коду»). Мнение Ю. М. Лотмана таково, что язык – это код плюс его история: «Фактически подмена термина “язык” термином “код” совсем не так безопасна, как кажется. Термин “код” несет представление о структуре, только что созданной, искусственной и введенной мгновенной договоренностью. Код не подразумевает истории, т. е. психологически он ориентирует нас на искусственный язык, который и предполагается идеальной моделью языка вообще» [50: 13]. Изучение одного только «языкового воплощения РЖ» в современной речи без учета исторического фактора значительно обеднило бы понимание РЖ, поскольку такое изучение по сути ориентировано на искусственный язык, идеальную модель языка.

17. Intertextuality: Theories and Practices / eds. M. Worton, J. Still. Manchester ; New York : Manchester UP, 1990. 280 p.
18. Intertextualität in der Frühen Neuzeit. Frankfurt am Mein ; Berlin ; Bern ; New York ; Paris ; Wien, 1994. 253 S.
19. Porter J. E. Intertextuality and the Discourse Community // *Rhetoric Review*. 1986. № 5. P. 34–47.
20. Древомень Е. А. Прецедентные феномены в постах сетевых блогов // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 196–203. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-196-203>, EDN: UHQDQV
21. Дементьев В. В. Интертекстуальный аспект речевых жанров // *Жанры речи*. 2015. № 2 (12). С. 9–26.
22. Колокольцева Т. Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // *Жанры речи*. 2016. № 2 (14). С. 96–104.
23. Фортунатов А. Н. Интерсубъективность в медиареальности: ускользающий феномен или недостижимый идеал? // *Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии : монография / под ред. чл.-корр. РАН И. Т. Касавина и Н. Н. Ворониной. Нижний Новгород : Издательство Нижегородского госуниверситета им. Н. И. Лобачевского, 2018. С. 269–272.*
24. Степанов В. Н. Этика массовой коммуникации // *Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения : материалы межвузовской научно-практической конференции. СПб. : Роза мира, 2006. С. 290–296.*
25. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 5 т. М. : Языки русской культуры, 1996. Т. 5. Работы 1940-х начала 1960-х годов. С. 159–206.
26. Дементьев В. В. Речежанровые пометы // *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология*. 2025. № 98. С. 30–45. <https://doi.org/10.17223/19986645/98/2>
27. Рогачева Н. Б. Структура и функционирование вторичных речевых жанров интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 20 с.
28. Щурина Ю. В. Вторичные комические речевые жанры интернет-коммуникации // *Коммуникация. Мышление. Личность : материалы междунар. науч. конф., посвященной памяти профессоров И. Н. Горелова и К. Ф. Седова. Саратов : ИЦ «Наука», 2012. С. 464–474.*
29. Орлова Н. В. Жанры разговорной речи и их «стилистика обработка». К вопросу о соотношении стиля и жанра // *Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 51–56.*
30. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. М. : Издательский дом ЯСК, 2022. 832 с. (*Studia Philologica*).
31. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 465 с.
32. Белоусов А. Ф. Современный анекдот // *Современный городской фольклор. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2003. С. 581–598.*
33. Дементьев В. В. Послание потомкам в капсуле времени как жанр советской словесности // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 132–149. <https://doi.org/10.15826/qr.2020.1.452>
34. Казачкова Ю. В. Выражение сочувствия в русском и английском речевом общении (жанровый аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 20 с.
35. Горбачева Е. Н. Спор как лингвокультурный концепт : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 20 с.
36. Фенина В. В. Речевые жанры *small talk* и светская беседа в англо-американской и русской культурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. 20 с.
37. Дементьев В. В., Фенина В. В. Центробежность и центростремительность праздноречевых жанров (на материале русского и английского языков) // *Антропологическая лингвистика : сб. науч. тр. Вып. 7. Волгоград : Колледж, 2007. С. 30–58.*
38. Гаширова А. Р., Акамов А. Т. Проклятия как жанр лезгинского и кумыкского фольклора // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 4 (44). С. 318–326. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-4-44-318-326>, EDN: JOPHJU
39. Родионова И. Г., Гурьянова Л. Б. Текст почётной грамоты как жанр письменной речи // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 316–329. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-316-329>, EDN: YPLXIP
40. Рогожина Е. И. Речежанровая структура флирта у советской интеллигенции: композитные жанры и субжанры (на материале драматургических текстов Л. Зорина и В. Азерникова) // *Жанры речи*. 2022. Т. 17, № 4 (36). С. 302–310. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-302-310>, EDN: CMXNCS
41. Колмогорова А. В., Колмогорова П. А. «У меня сдохла канарейка. Приезжай к нам на Рождество»: динамика жанрового канона сообщения в открытке в диахронии и в онтогенезе (на материале открыток, написанных детьми, из корпуса «Пишу тебе») // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 2 (42). С. 195–205. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-195-205>, EDN: VKCDQE
42. Везжицкая А., Годдард К. Дискурс и культура // *Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 118–156.*
43. Дементьев В. В. Нужно ли в жанроведении понятие жанросферы? // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 24–33. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-24-33>, EDN: HVEQDR
44. Арутюнова Н. Д. Жанры общения // *Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М. : Наука, 1992. С. 52–56.*
45. Дементьев В. В. Фатические речевые жанры // *Вопросы языкознания*. 1999. № 1. С. 37–55.
46. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот: текст и речевой жанр. М. : Языки славянской культуры, 2002. 144 с. (*Studia Philologica. Series minor*).
47. Данилов С. Ю. Речевой жанр *проработки* в тоталитарной культуре : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001. 15 с.
48. Ярмаркина Г. М. Обыденная риторика: просьба, приказ, предложение, убеждение, уговоры и способы их выражения в русской разговорной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001. 20 с.
49. Седов К. Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика // *Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2009. Вып. 6. Жанр и язык. С. 23–40.*
50. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М. : Гнозис, 1992. 272 с.

REFERENCES

1. Shmeleva T. V. Model of speech genre. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech genres: Coll. of sci. arts].

Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).

2. Lavrentyeva E. V., Steksova T. I. Transformation of the genre “public apology”. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 3 (47), pp. 251–252 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-244-253>, EDN: IUWRHG.

3. Pisanova T. V. Intergenre play in the new Latin American novel. *Bulletin of Moscow State Linguistic University*, 2012, no. 652, pp. 194–205 (in Russian).

4. Guseynova I. A., Kosichenko E. F. *Zhanry, menyayushchiye mir i nas. Trivial’nyy diskurs. Retrodetektiv* [Genres that change the world and us. Trivial discourse. Retro detective]. Moscow, Moscow State Linguistic University Publ., 2018. 162 p. (in Russian).

5. Rabenko T. G. *Genres of Natural Written Russian Language in the Variantological Aspect*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Kemerovo, 2018. 356 p. (in Russian).

6. *Intertekstual’nost’ i figury interteksta v diskursakh raznykh tipov: kollektivnaya monografiya. Nauch. red. T. N. Kolokol’tseva, V. P. Moskvina* [Kolokol’tseva T. N., Moskvina V. P., scientific eds. Intertextuality and figures of intertext in discourses of different types: Collective monograph]. Moscow, Flinta, Nauka, 2014. 352 p. (in Russian).

7. Moskvina V. P. *Intertekstual’nost’: Poniatijnyy apparat. Figuri, zhanri, stili* [Intertextuality: Conceptual apparatus. The figures, genres, styles]. Moscow, Librocom, 2011. 168 p. (in Russian).

8. Olizko N. S. *Semiotic and Synergetic Interpretation of the Features of the Implementation of the Categories of Intertextuality and Interdiscursivity in Postmodernist Artistic Discourse*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Chelyabinsk, 2009. 43 p. (in Russian).

9. Fateeva N. A. *Intertekst v mire tekstov: kontrapunkt intertekstual’nosti* [Intertext in the world of texts: Counterpoint of intertextuality]. Moscow, KomKniga, 2006. 280 p. (in Russian).

10. Chernyavskaya V. E. *Intertextuality as a Text-forming Category in Scientific Communication (Based on the German Language)*. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Saint Petersburg, 2000. 448 p. (in Russian).

11. Barthes R. *L’Aventure sémiologique*. Paris, Édition Du Seuil, 1965. 368 p. (in French).

12. Kristeva J. Bachtine, le mot, le dialogue et le roman. *Critique* [Paris], 1967, avril. № 23, pp. 438–465 (in French).

13. Kristeva J. *Semeiotike: Recherches pour une sém-analyse*. Paris, Édition Du Seuil, 1969. 379 p. (in French).

14. Allen G. *Intertextuality*. London, Routledge, Taylor & Francis Group, 2000. 249 p. (in French).

15. Broich U. Intertextuality. In: Hans Bertens, Douwe Fokkema, eds. *International Postmodernism: Theory and literary practice*. Amsterdam, Philadelphia, 1997, pp. 249–255.

16. Jay Clayton, Eric Rothstein, eds. *Influence and Intertextuality in Literary History*. Madison, The University of Wisconsin Press, 1991. 356 p.

17. Worton M., Still J., eds. *Intertextuality: Theories and Practices*. Manchester, New York, Manchester UP, 1990. 280 p.

18. *Intertextualität in der Frühen Neuzeit*. Frankfurt am Mein, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien, 1994. 253 S. (in German).

19. Porter J. E. Intertextuality and the Discourse Community. *Rhetoric Review*, 1986, no. 5, pp. 34–47.

20. Drevoten E. A. Precedent phenomena in online blog posts. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 196–203 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-196-203>, EDN: UHQDQV

21. Demytyev V. V. Intertextual aspect of speech genres. *Speech Genres*, 2015, no. 2 (12), pp. 9–26 (in Russian).

22. Kolokol’tseva T. N. Dialogism in the genres of internet communication (chat, forum, blog). *Speech Genres*, 2016, no. 2, pp. 97–105 (in Russian).

23. Fortunatov A. N. Intersubjectivity in media reality: An elusive phenomenon or an unattainable ideal? In: *Epistemologiya segodnya. Idei, problemy, diskussii: monografiya. Pod red. chl.-korr. RAN I. T. Kasavina i N. N. Voroninoy* [Corresponding Member RAS Kasavin I. T. and Voronina N. N., eds. Epistemology today. Ideas, problems, discussions: Monograph]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky Publ., 2018, pp. 269–272 (in Russian).

24. Stepanov V. N. Ethics of mass communication. In: *Sredstva massovoy informatsii v sovremennom mire. Peterburgskiy chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Mass Media in the Modern World. St. Petersburg Readings: Proceedings of the interuniversity scientific and practical conference]. Saint Petersburg, Rose of the World, 2006, pp. 290–296 (in Russian).

25. Bakhtin M. M. The problem of speech genres. From archival notes for the work “The Problem of Speech Genres”. The problem of text. In: *Bakhtin M. M. Sobranie sochinenij: v 5 t. T. 5. Raboty 1940-kh nachala 1960-kh godov* [Collected works. Vol. 5. Works of 1940–1960]. Moscow, Yazyki russkoi kul’tury, 1996, pp. 159–206 (in Russian).

26. Demytyev V. V. Speech-Genre Labels [Rechezhanrovyye pomety]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2025, no. 98, pp. 30–45 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/19986645/98/2>

27. Rogachova N. B. *The Structure and Functioning of the Internet-communication Secondary Speech Genres*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2011. 252 p. (in Russian).

28. Shchurina Yu. V. Secondary comic speech genres of Internet communication. *Kommunikatsiya. Myshlenie. Lichnost: materialy mezhdunar. nauch. konf. pamyati I. N. Gorelova i K. F. Sedova* [Communication. Thinking. Personality: Materials of international scientific conference dedicated to I. N. Gorelov and K. F. Sedov]. Saratov, ITs “Nauka”, 2012, pp. 464–474 (in Russian).

29. Orlova N. V. Genres speaking and their “stylistic treatment”: The question of the relationship of style and genre. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 51–56 (in Russian).

30. Balashova L. V., Demytyev V. V. *Russkiye rechevyye zhanry* [Russian speech genres]. (Studia Philologica). Moscow, LRC Publishing house, 2022. 832 p. (in Russian).

31. Bobyeva Ye. V. *Religious Discourse: Values, Genres, Strategy (based on the Orthodox Faith)*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Volgograd, 2007. 465 p. (in Russian).

32. Belousov A. F. Modern anecdote. In: *Sovremenyj gorodskoy fol’klor* [Modern urban folklore]. Moscow, Russian State University for Humanities Publ., 2003, pp. 581–598 (in Russian).

33. Demytyev V. V. Time capsule messages to future generations as a genre of soviet public texts. *Quaestio Rossica*, vol. 8, 2020, no. 1, pp. 132–149 (in Russian).
34. Kazachkova Yu. V. *Expression of Sympathy in Russian and English Speech Communication (Genre Aspect)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2006. 20 p. (in Russian).
35. Gorbacheva E. N. *Dispute as a Linguocultural Concept*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2006. 20 p. (in Russian).
36. Fenina V. V. *Speech Genres “Small Talk” and “Svetskaya Beseda” in the Anglo-American and Russian Cultures*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2005. 20 p. (in Russian).
37. Demytyev V. V., Fenina V. V. Centrifugality and centripetality of idle speech genres (on the material of russian and english languages). *Antropologicheskaya lingvistika* [Anthropological Linguistics]. Volgograd, College, 2007, iss. 7, pp. 30–58 (in Russian).
38. Gasharova A. R., Akamov A. T. Curses as a genre of Lezghi and Kumyk folklore. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 4 (44), pp. 318–326 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-4-44-318-326>, EDN: JOPHJU
39. Rodionova I. G., Gurjanova L. B. The text of the certificate of honour as a genre of writing. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 316–329 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-316-329>, EDN: YPLXIP
40. Rogozhina E. I. The structure of flirtation as a speech genre in dialogues of Soviet intelligentsia: Composite genres and subgenres (based on plays by L. Zorin and V. Azernikov). *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 4 (36), pp. 302–310 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-302-310>, EDN: CMXNCN
41. Kolmogorova A. V., Kolmogorova P. A. “My canary died. Come to us for Christmas”: The dynamics of the genre canon of a message in a postcard in diachrony and in ontogenesis (based on postcards written by children from the corpus “I am writing to you”). *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 2 (42), pp. 195–205 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-195-205>, EDN: VKCDQE
42. Wierzbicka A., Goddard K. Discourse and culture. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 2002, iss. 3, pp. 118–156 (in Russian).
43. Demytyev V. V. Do Genre Studies need the concept of Genre sphere? *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 24–33 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-24-33>, EDN: HVEQDR
44. Arutyunova N. D. Genres of communication. In: *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Kommunikatsiya, modal’nost’, deysis* [The human factor in language. Communication, modality, deixis]. Moscow, Nauka, 1992, pp. 52–56 (in Russian).
45. Demytyev V. V. Phatic speech genres. *Topics in the Study of Language*, 1999, no. 1, pp. 37–55 (in Russian).
46. Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. *Russkiy anekdot. Tekst i rechevoy zhanr Russkiy anekdot* [Russian joke: Text and speech genre]. (Studia Philologica. Series minor). Moscow, Yazyki slavyanskoi kul’tury, 2002. 144 p. (in Russian).
47. Danilov S. Yu. *Speech Genre Elaboration in a Totalitarian Culture*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Yekaterinburg, 2001. 15 p. (in Russian).
48. Yarmarkina G. M. *Ordinary Rhetoric: Request, Order, Suggestion, Persuasion, Persuasion and Ways of Their Expression in Russian Speaking*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2001. 20 p. (in Russian).
49. Sedov K. F. Linguistics. Speech studies. Genristics. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech genres: Coll. of sci. arts, iss. 6. Genre and language]. Saratov, ITs “Nauka”, 2009, pp. 23–40 (in Russian).
50. Lotman Yu. M. *Kul’tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow, Gnosis, 1992. 272 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 31.05.2025; одобрена после рецензирования 07.07.2025; принята к публикации 07.07.2025; опубликована 02.03.2026

The article was submitted 31.05.2025; approved after reviewing 07.07.2025; accepted for publication 07.07.2025; published 02.03.2026